

© 1996 г. К. БИБОК

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ РУССКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ

1. ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с двукомпонентной теорией описания концептов, изложенной в [Osherson-Smith 1981; Armstrong et al. 1983], мы будем различать их ядро и функцию распознавания (identification function): ядро связано с теми аспектами концепта, которые определяют его принадлежность к категории и выявляют отношение к сложным концептам, в то время как функция распознавания определяет вид информации, используемой для вынесения быстрых суждений о принадлежности к категории, быстрой сортировки вещей, событий и т.п. в мире¹. При проведении такого различия можно заметить, что традиционная семантическая теория, особенно компонентный анализ, правильно описывает ядро, в то время как теория прототипов описывает функцию распознавания. Однако, как утверждают Ч. Шварц и Х. Куйкенс [Schwarze 1982; Cuyskens 1984], лексико-семантическая структура языка по своей природе является смешанной в другом смысле. Не существует одной конкретной отдельно взятой концептуальной структуры, удовлетворительной для лексикона в целом. Лексикон может быть разбит на группы в зависимости от того, какой способ описания значения наиболее соответствует входящим в них концептам: стереотипические, чисто реляционные и частично реляционные значения слов (Шварц), а также совмещающая или исключительно прототипическая или исключительно классическая концептуальная структура (Куйкенс).

Я стою на позиции комплексной лексикологической и лексикографической теории значения, которая принимает во внимание не только различие между ядром и функцией распознавания, но и различие между знанием языка и знаниями о мире [Bibok 1994]. Схематическая версия типологии основных лексико-грамматических категорий (глаголов, существительных, прилагательных, предлогов) выглядит, как в (1)²:

(1)	Языковое ядро	Экспертное ядро	Контекстуально вызванные концептуальные сущности	Функция распознавания
1	+			+
2	+	+		+
3	+		+	+
4	+			+

В данной работе предлагаются определения значений применительно к словам, выбранным из третьего класса вышеприведенной типологии. В общем этот класс слов может быть охарактеризован следующим образом. На языковом уровне по одной из версий концептуальной семантики [Bierwisch 1983; 1986; 1987; Bierwisch-Schreuder

¹ Выражаю благодарность Е. Бархударовой, А. Драгалину, В. Лепахину, Н. Сзалма, О. Сзёги и Н. Зубову за их комментарии к русским примерам, а также Г. Зсигри за правку английского варианта.

² Символ +* указывает, на каком типе составляющих может основываться определение экстенционала.

1992; Gergely–Bever 1986; Kiefer 1990] значения слов, состоящие из семантических компонентов, не всегда полностью конкретизированы. Это недоопределенное семантическое или ядерное значение, конкретизируется посредством нашего обыденного знания, вызываемого нейтральными контекстами, т.е. такими контекстами, которые не требуют метафорической интерпретации.

Уточнение осуществляется с помощью так называемого концептуального сдвига, который "сдвигает" значение ядра в различные концептуальные области, и с помощью концептуальной дифференциации, которая всего лишь слегка "дифференцирует" значение ядра внутри одной и той же концептуальной области. Таким образом получаются буквальные значения. Другими словами, интерпретация означает превращение неточно определенных семантических значений в полностью определенные концептуальные значения на основе обыденного знания³.

В соответствии с вышеупомянутым механизмом интерпретации в данной работе представлены два раздела (2, 3). 1. В рамках модифицированной версии концептуального сдвига будет предложен некоторый набор правил. Эти правила создают буквальный смысл для группы русских и венгерских (квази)эквивалентов английских слов: *school* "школа", *university* "университет", *church* "церковь", *television* "телевидение", *radio* "радио" и т.п. 2. В терминах концептуальной дифференциации сравниваются русские и венгерские глаголы "резать"; "рубить" – "*vág*", определяющие различные способы резания.

2. КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ В РАМКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СДВИГА

2.1. Для иллюстрации этого типа интерпретации рассмотрим различные значения *school* в (2a–e).

(2) a) *He left s c h o o l ten years ago.*

"Он покинул школу десять лет назад"

b) *He left the s c h o o l ten minutes ago.*

"Он вышел из школы десять минут назад"

c) *The s c h o o l is making a trip to the seaside.*

"Школа путешествует на побережье"

d) *S c h o o l annoys him.*

"Школа раздражает его"

e) *The s c h o o l is one of the most important inventions of human civilization.*

"Школа – это одно из самых важных изобретений человеческой цивилизации"

Выделенное существительное в этих контекстах может быть истолковано соответственно как учреждение, здание, собрание людей (т.е. учителей, учеников и т.п.), разнообразная деятельность и тип учреждения, или учреждение как родовая единица. Несмотря на рассматриваемые различия, у *school* есть общая часть значения, которая фактически не является полностью конкретизированной и может быть перефразирована следующим образом (для ее формализации в терминах семантических компонентов, комбинируемых в соответствии с лямбда-исчислением [Bierwisch 1983: 86]):

(3) 'x has the goal to provide for teaching/learning processes'.

(3) 'x имеет целью обеспечить процесс обучения'.

Буквальные значения, которые появляются в вышеприведенных примерах, выводят-ся из недоспецифицированного ядра, так как никакое из них не кажется "более

³ В общем семантическая форма является частью грамматически определенной структуры выражения, но мотивируется свойствами концептуальной структуры (см., например [Bierwisch 1987: 36–37]). В некотором смысле, таким образом, семантическое представление – это граница между лингвистической системой и концептуальной системой. О других явлениях, объяснение которых опирается на это разграничение, см. вышеупомянутые работы [Bierwisch 1983; 1986; 1987; Gergely, Bever 1986; Lang 1990]. Конечно, это различие не всегда является ясным.

буквальным", чем другие. Спецификация осуществляется концептуальным сдвигом, добавляющим к значению ядра в (3) концептуальные схемы (4а–е), доступные благодаря обыденным знаниям о мире, вызванным соответствующими контекстами.

- (4) а) 'x is an institution'
"х – учреждение"
- б) 'x is a building'
"х – здание"
- в) 'x is an ensemble of people'
"х – собрание людей"
- г) 'x is some activities'
"х – некоторая деятельность"
- е) 'x is a type of institution'
(х – тип учреждения)

Как утверждал М. Бирвиш [Bierwisch 1983: 82], концептуальные толкования в (4) релевантны не только в случае со *school*. Существует целая группа слов, к которой они могут быть приложены. Рассмотрим список слов типа *school* в (5), изменяя их ядра в зависимости от конечной идентификации:

(5) *university* "университет", *institute* "институт", *academy* "академия", *museum* "музей", *theatre* "театр", *opera* "опера", *parliament* "парламент", *ministry* "министерство", *government* "правительство", *bank* "банк", *court (of justice)* "суд", *church* "церковь", *radio* "радио", *television* "телевидение" и т.д. Должно быть понятно, что необходимо ввести переменную ступени в описании ядерного значения *school* и соответственно определить его, чтобы различить *school* и *university* [ср. также *ministry of education* (министерство образования)]. Но для нас не так важно стремление Бирвиша утверждать, что слова из (5) могут варьировать лишь в соответствии с (4) или что для каждого слова из (5) подходит любая схема из (4). С одной стороны, *opera*, например, появляется в контекстах, не характерных для *school*. Таким образом мы также должны вывести такие буквальные значения для *opera*, как 'партитура, диск, кассета и т.п. как типы физических объектов', 'музыкальная драма как (тип) информационной структуры', 'представление как элемент деятельности или символ информационной структуры', 'музыкальная драма как вид искусства', которые также важны для других существительных, например: *book* "книга", *letter* "письмо", *novel* "новелла", *sonata* "соната", *symphony* "симфония", *oratorio* "оратория", *overture* " увертюра" и т.д. Поэтому концептуальное правило, которое позволяет появляться другим смыслам, а не только смыслом существительных типа *school*, кажется необходимым. Естественно, должны приниматься во внимание отношения между значениями существительных типа *school* и типа *book*. Очевидные параллели между двумя наборами значений также заслуживают особого внимания.

С другой стороны, интерпретация типа *building* не подходит для *government*. Таким образом, *government* является менее гибким, чем *school*, то есть лексически более специфицированным. Отсюда, если другое концептуальное правило исключает параллельную (одновременную) лексикализацию смысла типа *institution* и смысла типа *building* в одном и том же слове, с этой проблемой можно справиться, зафиксировав смысл в лексико-семантической репрезентации *government*. Если это не так, словарная статья слова *government* должна включать немотивированную информацию, обеспечивающую другое применение концептуальных схем в (4) к неспецифицированному ядру. Конечно, проблема возможности появления других смыслов остается, так как такое правило не может исключить, по меньшей мере, смыслы 'собрание людей' и 'тип учреждения'. Какие правила обеспечивают эти интерпретации для *government*? Таким образом, нетривиальный характер правил приводит к проблеме, которая будет позже исследована в подразделе 2.2. Однако теперь можно заключить, что различие в

лексической дистрибуции пяти буквальных значений для *school* и вообще для существительных типа *school* указывает, что идентификация буквальных значений релевантна не только для концептуализации, но также для лингвистической характеристики лексических единиц в одном или более языках. Далее, утверждение, что все результирующие значения являются буквальными, не подразумевает, что они неструктурированы. Фактически они могут иметь сложную внутреннюю структуру, то есть некоторые концептуальные единицы (например, 'собрание людей' и тип учреждения') появляются с помощью деривации от особой лексико-семантической формы (в случае с *government* – от лексико-семантической формы, содержащей 'учреждение'). Несмотря на структурированный характер буквальных значений, они все остаются буквальными значениями в том смысле, что они фигурируют в нейтральных контекстах, то есть в контекстах, которые не требуют уничтожения ранее установленных компонентов смысла, что необходимо в случае метафорических значений, появляющихся в ненейтральных контекстах.

Перед графическим изложением результатов моего контрастивного анализа необходимо сделать одно замечание. Задача идентификации и представления значения в случае со *school* (отделив слова типа *opera*, *government*) не является тривиальной в том смысле, что мы всего лишь должны превращать ранее установленные и зафиксированные в словарях описания значения из словарей в новые формулы. Здесь вполне достаточно указать на русские эквиваленты *school* и *university*, у которых также есть значения, данные в (4). Однако в словаре русского языка [Евгеньева 1981–1984] в словарной статье слова *школа* смыслы 'деятельность' и 'собрание людей' не упомянуты, в словарной статье слова *университет* указан только смысл 'учреждение'. Далее, несмотря на то, что и смысл 'учреждение', и смысл 'здание', имеются в статье слова *школа*, они упомянуты под одним и тем же арабским номером, то есть они приведены как одно значение. Очевидно, что словарь русского языка не дает систематически всех вариантов значений слов. Но не лучше обстоит дело со словарями венгерского языка, а также, я уверен, и других языков. Таким образом, если значение не появляется в словарной статье, в каждом случае необходимо решать, действительно ли оно отсутствует или оно просто было опущено составителем.

2.2. Исследования, проведенные в рамках концептуального сдвига, показывают противоположные образцы лексикализации в том смысле, что когда в одном случае в русском языке есть одно слово (*церковь*), а в венгерском – два (*egyház*, *templom*), в другом случае есть обратная пропорция (*телевидение*, *телевизор*, *телецентр* – *televízió*; *радио*, *радиоцентр* – *rádió*). Таблица 1 графически суммирует значения, обнаруживаемые в обоих случаях (подробно см. в [Bibok 1994])⁴.

Для того, чтобы создать все варианты значения исследуемых слов, принадлежащих группе существительных типа *school*, мы принимаем, что целевые спецификации могут быть сформулированы как 'для обеспечения религиозных процессов' для *церковь*, *egyház*, *templom*; 'для обеспечения/передачи/получения некоторой визуальной и/или слуховой информационной структуры' для других групп лексем. Далее мы также принимаем, что концептуальные структуры 'учреждение', 'здание' и 'аппарат' лексикализуются, то есть закреплены в лексико-семантической форме *egyház*, *телевидение*; *templom* и *телевизор* соответственно. Таким образом охвачены более специфичные и менее гибкие характеристики этих слов, и мы получаем буквальные значения, которые не вызваны контекстами.

Что касается концептуальных правил, создающих остальные смыслы в таблице 1, то они принадлежат следующим типам:

⁴ Если кто-либо не убежден, что значения, суммированные ниже в табличном виде подходят для русских и венгерских слов, я предлагаю ему/ей толковать эти слова в (более широких) контекстах.

- (6) Первый тип концептуальных правил **допускает чередование смыслов**: 'учреждение' чередуется со 'зданием' и/или 'аппаратом' (оба принадлежат к 'неодушевленным физическим объектам');
- (7) Второй тип концептуальных правил **исключает параллельную лексикализацию**: если 'учреждение', 'здание' или 'аппарат' лексикализован, другие два смысла не могут появиться в буквальном значении рассматриваемой лексемы;
- (8) Третий тип концептуального правила **допускает деривацию смыслов**:
- а) в случае смысла 'учреждение': 1) 'тип учреждения' и/или 2) 'собрание людей';
 - б) в случае смысла 'здание': 'собрание людей';
 - в) в случае смысла 'собрание людей': 'деятельность';
 - г) в случае смысла 'деятельность': 'элемент деятельности (программа)';
 - д) в случае с лексикализацией смысла 'аппарат': 'элемент деятельности (программа)'.

Таблица 1

Значения сравниваемых русских и венгерских слов

	Цер- ковь	Egyház	Tem- plom	Те- ле- ви- де- ние	Те- ле- ви- зор	Те- ле- центр	Tele- vízió	Ра- дио	Ра- дио- центр	Rádió
'institution'	+	+		+		+	+	+	+	+
'type of institution'	+	+		+			+	+		+
'building'	+		+			+	+		+	+
'apparatus'					+		+	+		+
'ensemble of people'	+	+	+	+		+	+	+	+	+
'activities'	+	+	+	+		+	+	+	+	+
'programme' ('element of activities')				+	+	+	+	+	+	+

На основе (6)–(8) можно создавать варианты значений следующим образом. В соответствии с контекстами (6) обеспечивает слова *церковь*, *телецентр*, *televízió*, *радиоцентр* и *rádió* смыслами 'учреждение' и 'здание' в буквальном значении; (6) также обеспечивает слова *televízió* и *rádió* смыслом 'аппарат', а слово *радио* – смыслами 'учреждение' и 'аппарат'. Хотя, для того чтобы объяснить нерелевантность смысла 'аппарат' в случае слов *церковь*, *телецентр* и *радиоцентр*, мы можем отослать к целевой спецификации церкви и к пространственному характеру компонента *-центр*, мы не можем семантически объяснить тот факт, что сдвиг к смыслу 'здание' в случае с *радио* не применим. (7) предупреждает случай, когда слова, содержащие лексикализованные компоненты 'учреждение', 'здание', или 'аппарат', одновременно лексикализируют другие релевантные элементы (ср. *egyház*, *телевидение*; *templom*; *телевизор*). Другими словами, (7) блокирует (6) в тех случаях, когда концептуальная единица зафиксирована в лексико-семантическом представлении лексемы. (8) выводит буквальное значение с указанными единицами, если необходимая база, лексикализованная или не лексикализованная в буквальном значении, имеется и доступна для применения правила.

После объяснения, как работают правила, необходимо сделать три замечания. Во-первых, можно поверить, что смысл слова 'здание' может быть выведен из смысла 'учреждение' или наоборот с помощью правила, подобного (8 а–д). Однако проблемой является то, что должно быть выведено из чего. Это вряд ли разрешимо. Никакое высказывание в (9) не кажется 'более буквальным', интерпретируется ли *институт* скорее как 'учреждение' или как 'здание'.

(9) а. Он ушел из института 10 лет назад.

б. Он ушел из института 10 минут назад.

(10) 10 évvel ezelőtt / 10 perccel ezelőtt ment el az intézetből.

Он ушел из института 10 лет / 10 минут назад.

"10 лет-с назад / 10 минут-с назад ушел (Зед) из опр. институт-из вовне"

Далее, как мы уже видели, существуют случаи, когда обе интерпретации слова вообще невозможны. В то же время необходимо уметь справляться и с отсутствием смысла 'здание' (ср. *government*, *телевидение*, *ehyház*), что вовсе не наносит ущерба традиционной лексико-графической трактовке метонимических отношений ('учреждение' → 'здание'), и с отсутствием смысла 'учреждение' (ср. *templom*). Поэтому мы настаиваем на адекватности правил (6) и (7).

Во-вторых, концептуальные правила (6)–(8) мотивированы нашими обыденными знаниями. Также, как естественно предположить, что скорее 'учреждение' обобщено как 'тип учреждения', чем 'тип учреждения' конкретизирован как 'учреждение', а в случае со смыслами 'деятельность' – 'элемент деятельности' обратное направление деривации значений, то есть конкретизация, кажется правильным. Таким же образом последовательность: 'учреждение'/'здание' → 'собрание людей' → 'деятельность' кажется естественной.

В-третьих, очевидно, что список концептуальных правил может быть лишь предварительным. Он может нуждаться в исправлениях в случае распространения анализа на другие области лексикона. Тем не менее, от этих произвольных правил нельзя ожидать предсказания букварных значений в строгом логическом смысле и нельзя ожидать, что они не будут иметь исключений, но эти правила проливают некоторый свет на концептуальную организацию человеческого мышления в том смысле, что они – обоснованы или мотивированы человеческим опытом (об этой третьей возможности – вместо произвольности и предсказуемости – см. [Lakoff 1986]).

При сравнении моего понимания концептуального сдвига с пониманием Бирвиша, два пункта кажутся новыми. Во-первых, существуют специфические отношения между вариантами значений, в соответствии с которыми они могут быть разбиты на две основные группы: 1) первичные букварные значения, в которых появляются лексикализуемые смыслы: 'учреждение', 'здание' и 'аппарат', и 2) непервичные букварные смыслы, в которых нелексикализуемые смыслы: 'тип учреждения', 'собрание людей', 'деятельность', 'элемент деятельности' приписываются лексикализированным или нелексикализированным единицам первичных значений. Конечно же, во второй группе некоторые смыслы связаны. Существует внутренняя связь между 'деятельностью' и 'элементом деятельности', а также 'деятельность' может быть добавлена к некоторым членам первой группы через смысл 'собрание людей'. Заметим, что наши концептуальные правила также объясняют случаи, когда некоторые значения второй группы, связанные с 'учреждением', могут экстенционально варьироваться. Так, например, в соответствии с (8а–б), смысл 'собрание людей' может приписываться и 'учреждению', и 'зданию', и это дает подходящие интерпретации – два набора людей, различные по размеру.

Во-вторых, концептуальные правила (6)–(8) создают модель концептуального сдвига, который отличается не только от традиционной лексикографической трактовки, выбирающей некоторое значение в качестве базисного, и связывающей с ним остальные с помощью метонимии, но и от трактовки Бирвиша. Тем не менее, наша модель сохраняет все их полезные элементы. Что касается концепции Бирвиша, мы разделяем мнение, что существуют два типа представления значений, а на самом

лингвистическом уровне значения могут быть двух типов: 1) те, которые могут быть специфицированы лексикализацией и 2) те, которые не полностью определены, но могут быть специфицированы изменением концептуальных структур, вызванных контекстами. Что касается традиционной лексикографии, мы поддерживаем деривацию в тех случаях, когда различные концептуальные структуры приписываются смыслам, лексикализированным или чередующимся друг с другом.

3. КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ В ТЕРМИНАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Концептуальная дифференциация только слегка дифференцирует ядерное значение внутри одной и той же концептуальной области. Вариант концептуальной дифференциации, связанный с понятиями прототипа и лексического стереотипа, использовался в моей докторской диссертации [Bibok 1994]. Это позволило последовательно прояснить нюансы смысла, появляющиеся в различных контекстах, но не зарегистрированные (или несистематически зарегистрированные) в словарях венгерского языка. Эта работа показала, с одной стороны, необходимость реструктурировать некоторые статьи словаря, постулируя (более) абстрактное ядро и производя все связанные буквальные значения у него, и, с другой стороны, полезность комбинированного метода в случае не только отдельных лексем, но и целых групп слов в одном или нескольких языках. Этот последний, то есть контрастивный, аспект будет проиллюстрирован в данном разделе.

Рассмотрим глагол *cut* (*cut* в английском языке охватывает значения русских глаголов *резать, стричь, рубить* и т.п. – прим. переводчика) в (11).

(11) а) *John is cutting bread.*

"Джон режет хлеб"

б) *John is cutting wood.*

"Джон рубит дрова"

в) *John likes cutting grass.*

"Джон любит подстригать траву"

г) *Eve is cutting John's hair.*

"Ева подстригает волосы Джона"

д) *Eve is cutting her nails.*

"Ева стрижет ногти"

Хотя *cut* различается в этих примерах, можно сформулировать значение ядра, лежащее в их основе:

(12) 'используя z (нечто с острым концом), x каузирует разделение у (чего-то твердого) на части'.

Букральные значения выводятся с помощью концептуальной дифференциации, то есть у нас есть различные случаи разрезания в соответствии с вышеприведенными контекстами, соотносящимися с объектами разрезания, что вызывает наши обычные знания об инструментах и о том, как и для чего они используются. Случаи резания, отмеченные в (11), могут производиться, следуя порядку приведенных примеров, ножом; топором или пилой; садовыми ножницами, косой, серпом или газонокосилкой; ножницами или машинкой для стрижки волос; маникюрными ножницами или пилочками для ногтей. Но упомянутые инструменты всего лишь прототипичны для рассматриваемой деятельности [Kiefer 1990]. Например, можно также резать хлеб пилой, топором или плоской тонкой доской (по случаю используемыми в качестве инструмента), но такие ситуации очень маловероятны. Мы также можем добавить сюда возможный, но не прототипический случай резания, когда кто-то режет хлеб, используя топор так, как мы используем нож. Соответственно можно говорить о концептуально дифференцированных значениях, связанных с прототипическими и непрототипическими случаями резания. Тем не менее важно заметить, что нетипичные случаи, которые могут быть выражены единой лексемой (а не какими-либо пери-

фрастическими каузативными конструкциями), ограничиваются лексическими стереотипами, принадлежащими концептуальным представлениям значений слов. Они предписывают соответствующие – может быть, зависящие от культуры – способы (если они есть) и цели (если они есть) событий (см. [Gergely, Bever 1986]). Что же касается *cut*, то лексические стереотипы включают стандартные способы, которыми можно резать нечто, но исключают такие нестереотипные методы, как приведенные ниже. Если Джон прикрепляет нож к поверхности стола, а потом кладет хлеб на край ножа и тяжелый камень на хлеб, каузируя его разделение на две части, вряд ли можно назвать это событие *cutting* "резание/рубка", вместо того, чтобы использовать описательную конструкцию. Хотя стереотип лексемы *cut* вынуждает его референциальный потенциал не позволять нестандартное использование типичного элемента резания, он не запрещает концептуальную дифференциацию глагола в контекстах, относящихся не только к прототипическим событиям резания, но также и к непрототипическим, в которых используются нетипичные инструменты – или характерным для инструмента образом, но необычным для объекта резания, или же нехарактерным способом для используемого инструмента, но обычным для объекта резания.

То, что было сказано в связи с *cut*, остается верным и для венгерского глагола *vág* "резать". В русском языке такой общий глагол для случаев резания не существует. В нем глаголы имеют более специфичные значения:

- (13) Джон режет хлеб/мясо/сыр.
- (14) Джон рубит/колет дрова.
- (15) а. Джон любит стричь траву/кусты.
б. Ева стришет Джону волосы/ногти.

Сосредоточимся на глаголах *резать* и *рубить*. Очевидно, обсуждаемые русские глаголы имеют более специфичные ядра, чем венгерский *vág* (а также *cut*). Их специфичность связана со способами протекания событий в (13) и (14), которая может быть сформулирована как в (16) и (17), соответственно:

- (16) способ: 'без удара';
- (17) способ: 'с ударом'.

Этот тип различия, который не лексикализуется гипонимами венгерского *vág*, может быть проверен с помощью следующих примеров, содержащих одно и то же слово, определяющее объект резания/рубки (дерево), но два глагола, определяющих процесс резания/рубки⁵.

- (18) а. Джон режет дерево.
б. Джон рубит дерево.

В то время как (18а) может быть интерпретировано как резка дерева, используя инструмент без удара (например, с помощью электропилы), (18б) указывает на инструмент, использование которого включает удар (например, топор).

Поэтому общие спецификации способа должны быть инкорпорированы в ядерное значение глаголов, то есть (16) и (17) должны быть добавлены к (12) для получения ядерного значения *резать* и *рубить*, которые представлены в их буквальных значениях с помощью правил дифференциации концептуальной интерпретации, варьирующей в соответствии с реально используемыми инструментами, а также со способом их использования. Однако из-за специфичности ядер меньше возможностей остается для выражения типичных и нетипичных случаев одним и тем же глаголом. Рассмотрим следующие примеры, определяющие нетипичные случаи резания с помощью различных глаголов.

- (19) а. Джон режет венский иницель топором.
б. Джон рубит венский иницель топором.

Обычно мясо режут с помощью ножа, а не топором. Если, в очень необычном случае,

⁵ Более идиоматичен глагол *пилить* (прим. переводчика).

используется последний инструмент, результирующее событие может быть лексикализовано в зависимости от способа резания с помощью топора. Резать мясо с помощью топора, как с помощью ножа, воздействует на глагол *резать* как в (19а): это непрототипический случай для *резать*. Резка мяса топором стандартным способом, то есть с сильным ударом, предполагает *рубить*, как в (19б). Но из-за специального объекта, который должен резаться топором, это непрототипическое событие для *рубить*.

Далее, если используется нож с сильным ударом, то есть нестандартным способом, или кто-либо, например, мясник, использует специальный нож, то эти способы также не являются прототипическими для рубки, то есть они не должны быть лексикализованы с помощью *рубить*, как в (20).

(20) Джон рубит мясо ножом⁶.

4. ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предстоит еще многое сделать для различения лексического и концептуального уровня представления значения. Особенно важно детально исследовать две проблемы, уже отмеченные Бирвишем. Во-первых, можно снять некоторые возражения против языковой (семантической) интерпретации значения в терминах семантических компонентов, если принять во внимание, что М. Бирвиш [Bierwisch 1986: 780–781] разделил так называемые фиксированные (fixed) и гипотетически создаваемые (created), то есть априорные и апостериорные компоненты. Первые (CAUSE, DO, BECOME, KNOW, etc.) являются частью универсального репертуара, доступного изучающему язык в качестве его исходного оснащения, на базе которого могут приобретаться языковые знания. Эти фиксированные первичные элементы имеют установленную связь с соответствующими, может быть, непримитивными двойниками в концептуальной структуре. В действительности именно эта связь является причиной их вхождения в универсальный репертуар (см. логические проблемы изучения языка вообще). С другой стороны, относительно создаваемых первичных элементов как BIRD, DOG, MARRIED, etc., несмотря на то, что они являются примитивами относительно семантической структуры, нельзя всерьез предположить, что у них a priori есть статус заранее установленной концептуальной интерпретации. Они должны быть введены в семантическую структуру и присоединены к концептуальной системе во время процесса изучения языка.

Во-вторых, концептуальный сдвиг и концептуальная дифференциация не независимы друг от друга [Bierwisch 1983]. Взглянем на вышеприведенные высказывания (9) с этой точки зрения. В контексте временного обстоятельства в (9а), *институт* скорее относится к 'учреждению', и в соответствии с этим *ушел* интерпретируется как изменение в членстве. В (9б) *институт* относится к зданию и *ушел* интерпретируется как изменение места. Буквальные значения слов *институт* и *ушел* в (9а–б), соответственно, скоординированны. Так как с обоими временными обстоятельствами появляется один и тот же предлог (*из*), это не влияет на концептуальный выбор. Однако в венгерском языке словоизменительные морфемы окончания, соответствующие русскому предлогу, влияют на интерпретацию аналогично вышеприведенным временным обстоятельствам. Хотя можно использовать те же словоизменительные средства, что и в (10), имеются также и другие возможности. Если в (10) мы заменим форму *intézetből* (элатив) на *intézettől* "институт-из" (аблатив), окончание *-től* – при первом варианте с обстоятельством времени – сделает маловероятную интерпретацию 'здание' абсолютно невозможной. Если в (10) мы заменим *intézetből* на *intézettől*,

⁶ Хотелось бы отметить лишь некоторые особенности других языков относительно пар венгерских глаголов *jón – hív* и *megy – küld*, исследованных также в терминах концептуальной дифференциации в моей докторской диссертации. Английские глаголы *call* и *send*, также как и русские *звать* и *посылать*, соответствующие *hív* и *küld*, кажется, естественно инкорпорируют дейктические специфичные характеристики *jón* и *megy*, а не *come* и *go*. Что же касается русского языка, то отсутствуют сами слова-эквиваленты последних глаголов.

окончание *-tól* – при втором варианте с обстоятельством времени – делает маловероятную интерпретацию ‘учреждение’ единственно возможной. [Сравни также английские фразы *at the institute* (“в институте” – членство) vs. *in the institute* (“в институте” – локатив); *from the institute* (“из института” членство) vs. *out of the institute* (“из института” локатив)]. Здесь возникает проблема иерархии и взаимоотношений между элементами, определяющими концептуальный выбор, но мы не можем далее исследовать ее.

Несмотря на оставшиеся проблемы и некоторые тонкие оттенки концептуальной интерпретации высказываний в русском и венгерском языках, и не только в них, мы можем прийти к следующему заключению. Как было показано, разница между семантическим и концептуальным представлением значения может прояснить структуры значений слов более точно и последовательно, чем это делают словари, а также дать систематичную основу для исследования значений слов и моделей лексикализации в разных языках.

Хотя мое исследование не является таким обширным, как работа Талми [Talmy 1985], такой контрастивный анализ может также вскрыть как сходства между лексемами, так и их специфические конкретно-языковые характеристики, а также совпадения и расхождения способов лексикализации в русском и венгерском языках. Это было продемонстрировано на примере слов *церковь* – *egyház/templom*; *телевидение/телецентр/телевизор* – *televízió* и *радио, радиоцентр* – *rádió* в рамках концептуального сдвига, и на примере слов *резать/рубить* – *vág* в рамках концептуальной дифференциации. Более того, я показал, как концептуальные правила, мотивированные человеческим опытом, отображают более или менее неопределенные и полностью определенные значения на (первичные и непервичные) буквальные значения.

Думаю, что результаты моего скромного исследования могут быть использованы в некоторых областях прикладной лингвистики, включая лексикографию, обучение языку и теорию перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евгеньева А.П. 1981–1984 – Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1981–1984. 2-е изд. (перераб. и доп.).
- Armstrong S.L., Gleitman L.R., Gleitman H. 1983 – What some concepts might not be. *Cognition*. 1983. V. 13.
- Bibok K. 1994 – Szószemantika: elméleti kérdések és elemzések [Word semantics: theoretical questions and analyses]. Unpublished PhD thesis. Szeged. 1994.
- Bierwisch M. 1983 – Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten // *Untersuchungen zur Semantik* / Ed. by R. Ruzicka, W. Motsch. B., 1983.
- Bierwisch M. 1986 – On the nature of semantic form in natural language // *Human memory and cognitive capabilities: Mechanisms and performances* / Ed. by F. Klix, H. Hagendorf. Amsterdam, 1986.
- Bierwisch M. 1987 – Some aspects of semantic form in natural language // *Language and artificial intelligence* / Ed. by M. Nagao. Amsterdam, 1987.
- Bierwisch M., Schreuder R. 1992 – From concepts to lexical items. *Cognition*. 1992. V. 42.
- Cuyckens H. 1984 – Towards a non-unified theory of word-meaning // *Papers from the parasession on lexical semantics* / Ed. by D. Testen, V. Mishra, J. Drago. Chicago, 1984.
- Gergely G., Bever T.G. 1986 – Related intuitions and the mental representation of causative verbs in adults and children. *Cognition*. 1986. V. 23.
- Kiefer F. 1990 – Linguistic, conceptual and encyclopedic knowledge: Some implications for lexicography // *BudaLEX'88 proceedings: Papers from the 3-rd International EURALEX Congress*. Budapest. 4–9 September 1988 / Ed. by T. Magay, J. Zsigány. Budapest, 1990.
- Lakoff G. 1986 – Classifiers as a reflection of mind // *Noun classes and categorization*. C. Craig. Amsterdam, 1986.
- Lang E. 1990 – Primary conceptual space and inherent proportion schema: Two interacting categorization grids underlying the conceptualization of spatial objects // *Journal of semantics*. 1990. № 7.
- Osherson D.N., Smith E.E. 1981 – On the adequacy of prototype theory as a theory of concepts. *Cognition*. 1981. V. 9.
- Schwarze Ch. 1982 – Stereotyp und lexikalische Bedeutung // *Sonderforschungsbereich 99: Linguistik*, 1982.
- Talmy L. 1985 – Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // *Language typology and syntactic description V. 3: Grammatical categories and the lexicon* / Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.

Перевела с английского А.В. Морозова